

18+

Сергий Чернец
Собрание сочинений

Том девятый. Пороки и привычки

Сергий Чернец

**Собрание сочинений. Том
девятый. Пороки и привычки**

«Издательские решения»

Чернец С.

Собрание сочинений. Том девятый. Пороки и привычки /
С. Чернец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986389-8

В этой книге собраны статьи, размышления на разные темы о нашем обществе: о добре и зле, о неприязни, о невежестве, о беспечности и о надежде, о деньгах и о любви. О переменах и самостоятельности человека.

ISBN 978-5-44-986389-8

© Чернец С.
© Издательские решения

Содержание

Пороки и привычки	6
Начало и конец. О времени	6
2 Время	7
Историю читая...	10
К писательству	12
Нравственность	13
Неприязнь	15
(Как было или как должно было быть, но что-то у нас не так все-таки.)	16
Надежда	19
Невежество	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Собрание сочинений Том девятый. Пороки и привычки

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2020

ISBN 978-5-4498-6389-8 (т. 9)

ISBN 978-5-4498-5657-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пороки и привычки

Собрание сочинений том девятый

Начало и конец. О времени

А вот, – что такое время? – поставим вопрос и ответим: «Это плодотворная нива, великая сила и великая возможность».

И кто хочет в нем чего-то добиться, должен стараться добросовестнейше заполнять его. Не оставлять времени не заполненным, пустым.

Человек бывает молод или стар в зависимости от того, каким он сам себя ощущает. Поэтому надо начинать новые и новые дела, пусть конца не будет видно.

И всегда, прежде чем может быть возведено что-то новое, изначально, должен быть поколеблен авторитет старого, уже существующего. Чтобы на фундаменте старого построить новое.

Начало великих действий и великих мыслей ничтожно. Великие деяния часто рождаются на уличном перекрестке, от писка комара на вечерней прогулке по парку, или у входа в ресторан.

Неизбежно только одно: смерть. «Всего остального можно избежать», – так говорили древние.

Во временном пространстве, которое отделяет рождение от смерти, нет ничего предопределенного: все бывает можно изменить, и можно даже прекратить войну и жить в мире, если желать этого как следует – очень сильно. От желания человека всякое начало.

Всё несчастье художника в том, что он живет – и не совсем в монастыре, и не совсем в миру, причем его мучают соблазны и с той и с другой стороны жизни.

Сама диалектика – это не есть ни начало, ни конец; по существу своему она лишь середина, – она является путем.

Художник – работник культуры, он причастен к её созданию.

Но Культура – это та веревка, которую можно бросить утопающему и которой можно удушить своего соседа. Развитие культуры идет на пользу добра столько же, – сколько на пользу зла. Растет кротость – растет и жестокость; растет альтруизм, но растет и эгоизм. Дело не происходит так, чтобы с увеличением добра уменьшалось зло. Скорее так, как с электричеством: всякое появление положительного заряда идет параллельно с появлением отрицательного. Поэтому в мире, борьба между добром и злом не угасает, а обостряется; она и не может кончиться, и не может, наоборот, по-видимому, не кончиться. Все исчезнет как при вспышке электрических зарядов при соединении плюса и минуса.

Ты должен сжечь себя в своем собственном пламени, как иначе хотел бы ты обновиться, не обратившись сначала в пепел. Правы были сказания о птице Сириин, сгорающей и возрождающейся из пепла: это символ к возрождению человека и мира нашего, к сожалению.

Не начинайте дела, конец которого не в ваших руках, – работать будете на другого.

Если же ждать той минуты, когда всё, решительно всё будет готово – может статься, что никогда не придется начинать. Надо начинать даже при недостатках некоторых вещей.

Но начала (азы, знания начальные) надо знать. Только проследив явление от самого истока, мы можем получить о нём верное понятие. Предварительное знание того, что хочешь, дает и легкость и смелость.

Завершив одно дело, пусть ученый забудет, что он сделал, и пусть думает о том, что он еще должен сделать другое новое.

Почти во всех делах самое трудное – начало.

Человек удачного завершения. Это тот, кто входит в чертоги Фортуны через врата радости – выходит из них через врата скорби, и наоборот.

Поэтому думай о конце дела, заботься о том, чтобы счастливо выйти, а не о том, чтобы красиво войти. Это обычная беда баловней Фортуны – громкое начало и горький конец. Штука не в том, чтобы тебя при входе приветствовала толпа – приятно войти сумеет всякий, – но, чтобы о твоём уходе жалели: важно быть желанным. Счастье редко сопутствует уходящим: оно радушно встречает и равнодушно провожает.

Вообще не надо начинать жизнь с того, чем бы следовало закончить. Иные люди располагаются отдыхать в начале пути, едва немного потрудившись, оставляя труды свои на конец. Нет, сперва – главное, а если останется время – второстепенное. Другой хотел бы одержать победу до сражения, что невозможно. Есть и такие, что в учёбе начинают с менее важного, а знания почитаемые и полезные оставляют на конец пути обучения. А кое-кто даже начинает сколачивать состояние, когда сам при этом на последнем издыхании. Надо было в молодости этим заниматься. В жизни, как в учении, важна метода.

Только заканчивая задуманное сочинение, мы уясняем себе, с чего нам следовало бы его начинать. – Конец дела обдумай уже перед началом его, будет легче взять ориентир.

Однако мудрецы советуют: «В четырех случаях не следует высказывать ни одобрения, ни осуждения о деле, пока оно не закончится:

Во-первых, о кушании, – пока оно не переварится в желудке.

Во-вторых, о беременной женщине, – пока она не разрешится.

В-третьих, о храбреце, – пока он не закончил битву и не покинул ратного поля.

В-четвертых, о земледельце, – пока он не соберет урожай.

Лучше не начинать, чем останавливаться на полпути. Хорошее начало не мелочь, хотя иногда начинается с мелочи.

И любое начало, как вера в победу – уже половина победы.

2 Время

Время – это мираж, оно сокращается в минуты счастья, всё, кажется, мало, мало; и растягивается в часы страданий, всё, кажется, долго тянутся и часы, и минуты.

Время идет медленно, когда за ним следишь.... Это счастливые часов не наблюдают. А время, оно чувствует слежку. Оно, это хитрое время, пользуется нашей рассеянностью, что мы не всегда успеваем за ним наблюдать. Возможно даже, что существуют два рода времени: то, за которым мы следим и то, которое по-хитрому идет себе и идет – и преобразует, старит нас.

Время всегда будет уважать и поддерживать то, что крепко, но обратит в прах то, что окажется непрочным.

Самое сильное сожаление вызывает у нас чрезмерная и ничем не оправданная стремительность этого времени.... Не успеешь опомниться, как уже блекнет молодость и тускнеют

глаза. А между тем, – ты еще не увидел и сотой доли того очарования мира, какое жизнь разбросала вокруг.

Розанов Василий Васильевич красиво изобразил в свое время:

«Божественная комедия.

С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русской Историей железный занавес.

– Представление окончено. (Империя пала).

Публика встала. – Пора надевать шубы и возвращаться домой. —

Оглянулись (вокруг). Но ни шуб, ни домов не оказалось».

И следующая сценка от него:

«Собственно, от чего мы умираем? Мы умираем от единственной и основательной причины: неуважения себя. Мы, собственно, самоубиваемся. Не столько «солнышко нас гонит», сколько мы сами гоним себя: «Уйди ты, черт!» (Это) Нигилизм. (Да) это и есть нигилизм, – имя, которым давно окрестил себя русский человек, или, вернее, в которое он раскрепостился.

– Ты кто? Блуждающий в подсолнечной? —

– Я нигилист. Я только делал вид, что молился. Я только делал вид, что живу в царстве. На самом деле – я сам по себе свой человек. Я рабочий трубочного завода, а до остального мне дела нет. Мне бы поменьше работать (за восьмичасовой рабочий день). Мне бы побольше гулять (два выходных в неделю).

– А мне бы не воевать. —

И солдат бросает ружье (на Первой мировой войне). Рабочий уходит от станка.

– Земля – она должна сама родить. —

И (крестьянин) уходит от земли (на гражданскую войну): известно, земля Божия. Она всем поровну. Да, не Божий ты человек. И земля, на которую ты надеешься, ничего тебе не даст (отсюда голод 20-х годов в Поволжье, самом посевном районе). И за то, что она тебе не даст, ты обогришь её кровью (братьев и отцов твоих же)».

Времена были, конечно, тяжелые. Человек не должен жаловаться на времена, из этого ничего не выходит (т. е. выводов извлечь не получится). Время дурное: ну и что же, на то и Человек, чтобы его улучшить (хотя бы вокруг себя).

Нельзя убивать время, не навредив этим Вечности.

Время ничего не может сделать Великим мыслям, которые так же свежи и теперь, как тогда, когда в первый раз, много веков тому назад, зародились в уме своих авторов.

Средний человек озабочен тем, как бы ему убить время, человек же талантливый стремится его использовать.

Все изнашивается, даже горе. Будущее нас тревожит и волнует, а прошлое нас держит. Вот почему настоящее от нас ускользает, и мы не видим его красоты.

Известны афоризмы:

Все приходит в свое время для тех, кто умеет ждать.

Время – это капитал работника и умственного труда.

Всё человеческое умение (опирается) – не что иное, как смесь терпения и времени.

Время – это есть бесконечное движение, без единого момента покоя – и оно не может быть мыслимо иначе.

Гибнет в потоке времени всё только то, что лишено крепкого зерна жизни и, следовательно, этой жизни не стоило. Из всех критиков самый великий, самый гениальный, самый непогрешимый – это именно время. Оно всё просеивает, как через сито, оставляя истинные зерна, дела.

Всё, что пройдет, то будет мило.
Какое горе не уносит время вдаль,
Какая страсть в ней уцелеет, и любовь,
В неравной с временем борьбе

Что было, то не будет вновь
Нам прошлого не повторить
Мечтам и годам нет возврата
Как нам поэт сказал когда-то.

Солнце движется по небосклону по тем же путям, по которым двигалось до появления Рима: так и гражданские общества (государства) не переменили своих уставов; всё осталось, как было на Земле и как иначе может быть. (У нас до сих пор в ходу Римское право. А если посмотреть законы еще древнее, на железном столбе написанные, царя Хамурапи – то общественное управление не менялось тысячелетия).

Если время самая драгоценная вещь, то растрата времени является самым большим мотовством. Человек таким образом (человечество) – великий транжира.

Как в море льются быстро воды рек, так в вечность льются наши дни и годы!

Конец.

Историю читая... **Греки дали миру культуру.**

Греки дали миру выдающуюся культуру, в основе которой лежали мифология и религия. И наука, и искусство сегодня далеко не ушли от древнегреческого наследия.

Ранний Эллинский период начался, примерно, около 2800 года до нашей эры. И вот, на протяжении пяти тысяч лет человечество разнообразило свое искусство, считая его всякий раз новым, оно также совершило тысячи научных открытий – но!

Это пресловутое «но» – как сказал Экклезиаст: «нет ничего нового под солнцем...» и так далее.

Сегодня в нашей социальной политике мы прославляем демократию и «изобретаем» новые законы, а по сути – возвращаемся к древнему. Как, например, правитель Коринфа, который жил 627 – 585 году до нашей эры, боролся против родовой знати (по сути, с коррупцией и клановостью властей). Он ввел чеканку монеты, учредил государственные таможенные пошлины. И, тогда еще – до нашей эры, – установил закон против роскоши (о котором в сегодняшней нашей думе думают)!

Или, вот, – Солон, считающийся одним из семи мудрецов Древней Греции, тоже был реформатор. Он провел экономические, социальные и политические преобразования в пользу простого народа: отменил старые поземельные долги, отменил рабство соплеменников – греков, и создал совет 400 (парламент, по сути), а также суд присяжных впервые в истории.

Так что прав Экклезиаст: «всё возвращается на круги своя».

Как ни странно, и наука, открывшая заново атом в 20-ом веке, не ушла от корней своих. Пифагор дал учение о числах, развитое Платоном, который перенес эту концепцию на космические масштабы. И «миром правят цифры» – слова Пифагора воплотились: мы сегодня переходим на цифровые технологии во всем. Конечно, это несколько другое толкование цифр, – но суть была верно указана Пифагором.

Философия материализма, так торжествующая в науке сегодня, тоже вышла из Древней Греции. Один из первых – это Гераклит Эфесский, в своем труде «О природе», в наивной форме выразил диалектические принципы бытия.

И Демокрит – основатель теории атомизма, первый энциклопедист, изучивший все тогда существующие науки – этику, историю, философию, математику, астрономию, медицину, филологию, механику, теорию музыки и другие, – оставил нам в наследство свои труды. Современникам Демокрита было известно до 70 его книг. Демокрит распространил учение об атоме на духовную и мыслительную деятельность человека, полагая, что атомы воздействуют на все человеческие чувства. И в чем-то он был прав, интуитивно предугадывая, что мельчайшие гены могут влиять на развитие человека... , наука пришла к этому сегодня.

Что уж говорить об искусстве – и трагедия и комедия, и весь театр – вышли из Древней Греции.

Драматург и поэт Еврипид, который жил 480 – 406 году до нашей эры, входит в триаду великих трагиков, наравне с Эсхилом и Софоклом. Их произведения стали достоянием не только античных зрителей, но, пережив века, часто ставятся и в современном театре.

Это подтверждает, что общечеловеческие ценности и проблемы волнуют людей всех времен одинаково. Нравы и мораль очень мало изменились за эти 5 тысяч лет.

Вот краткая мораль от Софокла:

«Блаженна жизнь, (когда) пока живешь без дум».

«Кого бог хочет погубить, того он разума лишает вначале».

«Как страшен может быть разум, если человек не управляет им».

«Мудрость – вот родная мать счастья».

«(Но) не помогает счастье нерадивым (людям беспечным)».

«Ум, несомненно, первое условие для счастья».

И Еврипид, как бы вторит Софоклу:

«Жизнь есть борьба».

«Если ты ценишь свою жизнь, помни, что и другие не меньше ценят свою».

«когда двое говорят и один из них сердится, тот, кто уступает – умней».

А от Эхила мы возьмем завершение в краткой морали древних:

«Легко счастливому почать несчастного» – (вместо помощи ему).

И – «Мудр не тот, кто знает много, а тот, чьи знания полезны» – (приносят пользу людям).

Все знают Диогена, который в бочке жил и с фонарем средь бела дня ходил, спросившим отвечая, что «ищет человека». Тот самый Диоген, который, сидя в бочке, Александру Македонскому сказал однажды дерзко: «Отойди! – не загораживай мне солнца».

И, не смотря на кажущееся внешнее помешательство, тот Диоген говорил великие мысли на все времена остающиеся актуальными:

«Отцы и дети не должны дожидаться просьбы друг от друга, причем первенство принадлежит отцу».

Отцы должны разьяснять детям премудрости жизни. И у детей отцам можно многому «научиться», – вспомнить свою непосредственность восприятия мира детскую...

Наука жизни по Диогену проста и трудна одновременно:

«1 Философия и медицина сделали человека самым разумным из животных. 2 Гадание и астрономия – сделали самым безумным. 3 Суеверия и деспотизм – самым несчастным».
Надо бы прислушаться к древним мудростям Древних Греков!

Конец.

К писательству из «Цитатника»

Дело писателя состоит в том, чтобы передать или, как говорится, донести свои ассоциации (чувства реальности) до читателя и вызвать у него подобные же ассоциации.

Мечтаем мы все и всегда. Если отнять у человека эту способность мечтать, – то отпадет одна из самых мощных побудительных причин, которая и рождает культуру, искусство, науку и желание бороться с миром во имя прекрасного будущего.

Сознание человека насыщено мыслями, чувствами и заметками памяти – и в сознании возникает искра, так же как молния – замысел рассказа, повести, картины, скульптуры, облик нового здания у архитектора. Все это накапливалось исподволь, медленно, пока не дошло до той степени напряжения, которое требует неизбежного разряда. И тогда весь этот сжатый и еще хаотичный мир в сознании художника рождает молнию – замысел.

Необходимо нужно любому писателю знание всех смежных областей искусства – поэзии, живописи, архитектуры, скульптуры и музыки – все это необыкновенно обогащает внутренний мир прозаика и придает особую выразительность его прозе.

Тогда проза наполняется светом и красками живописи, емкостью и свежестью слов, свойственным поэзии, соразмерностью архитектуры, выпуклостью и ясностью линий скульптуры и ритмом и мелодичностью музыки. Все это добавочные богатства прозы, как бы ее дополнительные цвета.

А знание органически связано с человеческим воображением (с мечтаниями). Этот, на первый взгляд, парадоксальный закон можно выразить так: сила воображения увеличивается по мере роста познаний.

Все наше творчество предназначается для того, чтобы:

1 красота земли,

2 призыв к борьбе за счастье, радость и свободу,

3 широта человеческого сердца и

4 сила разума – преобладали над тьмой и сверкали, как незаходящее солнце.

Пусть всегда будет Солнце....

Конец.

Нравственность

Как категория – нравственность появилась до нашей эры со времен Аристотеля, который определял: «Нравственный человек много делает ради своих друзей и ради отечества, даже если бы ему при этом пришлось потерять жизнь».

Не для того мы рассуждаем, чтобы знать, что такое добродетель, а для того, чтобы стать хорошими людьми, (обладающими добродетелями). Добродетели все известны, все наслуху, но – «равнодушные к плохим поступкам и словам – есть нравственное уродство» – считал тот же Аристотель.

«Нельзя жить приятно – не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, не будет жизнь разумной, нравственной и справедливой – если жить неприятно», – говорил вслед за Аристотелем философ Эпикур.

Неприятность связана с нравственностью, а нравственность воспитывается с самого раннего детства.

От древности нравственность ценилась высоко, – вот Цицерон ещё, от Римской империи, от тех времён, оставил мнение своё: «Ценить дороже то, что кажется полезным (материальное), чем то, что кажется лишь нравственным – в высшей степени позорно».

Но и в те времена..., с нравственностью было не всё так просто.

«Какая польза в напрасных законах там, где нет нравов? Что значат пустые законы без обычаев?» – вопрошали философы. «Серебро дешевле золота, золото – дешевле нравственных достоинств» – говорили древние.

Поведение, дела и поступки, нравы говорящего – убеждают больше, чем его речи. «Что не запрещает закон, то запрещает стыд» – говорил Сенека. Марк Аврелий, хоть и император, но прослыл философом и сказал о том же: «Не делай того, что осуждает твоя совесть, и не говори того, что не согласно с правдой. Соблюдай это самое важное – и ты выполнишь всю задачу своей жизни». Совершенство нравов в том, чтобы каждый день проводить так, как если бы он был последний: без трусости и без притворства.

Собственная нравственная нечистоплотность – это знак презрения к самому себе. – Стыд и честь – как платье: чем больше потрёпаны, тем беспечнее к ним относишься (ах, да оно старое, изношенное, бог с ним, – не буду штопать, – говорит себе человек, не желая исправлять свою нравственность).

Не на то надо смотреть, где человек родился, а каковы его нравы, не в какой земле, а по каким принципам решил он прожить свою жизнь....

Крепнет нравственность, когда дряхлеет плоть.

«Знатное происхождение без добродетели – ничто. Славе наших предков мы сопричастны лишь в той мере, в какой сами стремимся походить на них. Блеск их деяний, что озаряет и нас, налагает на нас обязанность воздавать им такую же честь, идти по их стопам и не изменять их добродетелям, если мы хотим считаться их истинными потомками» – сказано одним из больших мудрецов.

Коль нанесли тебе сердечную обиду,
Плати забвеньем – так гордость нам велит;
Не можешь позабыть – тогда хоть сделай вид,
Не унижай себя. (не возмещай обиду мщеньем).

Коль девушку ведут неволей под венец,
Тут добродетели нередки и конец.
Ведь может быть супруг за честь свою спокоен

Лишь при условии, что сам любви достоин.
И если у мужей растёт кой-что на лбу,
Пускай винят себя – не жен и не судьбу.

Коль жены думают лишь о своих мужьях,
Им вовсе ни к чему рядиться в пух и прах.

Нравственные правила нуждаются в доказательствах, следовательно, – они не врожденные. Основа всякой добродетели и всякого достоинства заключается в способности человека отказываться от удовлетворения своих желаний, когда разум не одобряет их.

От правильного воспитания детей зависит благосостояние всего народа.

У каждой добродетели есть родственный порок; так и у каждого наслаждения есть соответствующее с ним бесчестье. Поэтому необходимо отчётливо провести разделяющую их черту, и лучше на целый метр не дойти дальше и остановиться, нежели зайти за черту хоть на миллиметр.

Родители, поощряя капризы детей и балуя их, когда они малы, портят в них природные задатки, а потом удивляются, что вода, источник которой они сами отравили, имеет горький вкус!

Нравы портятся легче, чем исправляются.

И нравственность – это есть наука об отношениях, существующих между людьми, и об обязанностях, вытекающих из этих отношений.

К сожалению, есть люди, которые относятся к нравственности, как некоторые архитекторы к домам: на первый план ставится удобство, а последствия такого удобства не видят.

Между тем, – «без глубокого нравственного чувства человек не может иметь ни любви, ни чести, – ничего, чем человек есть человек», – сказал Белинский.

В науке нет другого способа приобретения, – только в поте лица, трудом; ни прорывы, ни фантазии, ни усилия и стремления «всем сердцем» не заменят труда. Чтобы воспитать нравственность необходим терпеливый труд.

В природе ничто не возникает мгновенно и ничто не появляется на свете в совершенно готовом виде.

«Нравственность либо условна, либо оплачивается на месте» – как сказал Ежи Лец. То есть – какой мы вырастим плод – то и получим!

«Различие между ядами вещественными и умственными в том, что большинство ядов вещественных противны на вкус, яды же умственные, в виде... дурных книг, к несчастью, часто привлекательны».

«Нравственность есть отношение силы разума к силе чувства. Чем сильнее чувство и чем ближе к нему разум, тем больше человек в его человеческом деле. Есть чувства, восполняющие и заменяющие разум, и есть разум, охлаждающий движение чувств».

Наука о нравах всегда менялась. И возникала – Неприязнь, к тому или иному человеческому поступку.

Конец.

Неприязнь

...Но при всём нашем знании и протекающей ежедневно информации, люющей из всех современных гаджетов, – окружающую нас действительность мы видим в своём воображении поверхностно, стереотипно:

Капитализм – это такой толстый пузатый «тип-человек», который своими пальцами-сосисками копошится в куче золотых монет, сложенных в его кладовке в подвале на полу пирамидой.

Рабочий класс – это такой красивый спортивный могучий парень, с накаченными мышцами, в блузе с закатанными рукавами, с молотом в руках.

Деревня же – составляет три типа. Это прежде всего худощавый босой в рваных штанах – «бедняк». А есть в сёлах и деревнях средний класс – «мужик-пахарь», – это чуть получше упитанный и обутый в лапти «работяга-тракторист». И есть в сёлах – «кулаки-мироеды-фермеры», которые в жилетках поверх рубахи, в картузах и лаковых сапогах нанимают «бедняков» и «мужиков», а прибыль тратят на себя, строя двухэтажные имения-особняки, обнесённые трёхметровыми заборами.

Это всё вызывает неприязнь к капиталистам и кулакам-фермерам. «Старорежимный, держиморда»!

Власть предержавшие совершают много ошибок-преступлений против людей (человечества), против народа. Нужно сказать без церемоний всю правду.

Ошибок много, но, собственно, главная из них – это общий дух, который царит во всех их проявлениях, во всей их «деятельности». То есть, главное – отсутствие любви, отвращение к людям, какое чувствуется во всём. На этом отвращении от властей построена вся система жизни общества.

Отвращение к человеческому голосу (к гласу народа), к лицам, к затылкам, шагам... одним словом ко всему, что составляет человека. Поэтому у всех дверей стоят сытые, грубые полицаи, чтобы не пускать к начальству неприлично одетых людей. Гордость и преобладание царит во всём.

Власти смотрят на всех людей по-наполеоновски, как на мясо для пушек. Но у Наполеона была хоть какая-нибудь идея, а у нас, кроме отвращения, ничего!

Все что есть, десятки миллионов рабочих, здоровых и сильных и красивых людей – служат богатеющим государственным управителям. Разница между их жизнями огромна, в тех же прибылях, например, и зарплатах: у всякого у власти стоящего – миллионы, а у простого народа зарплата – копейки, и прибылей – ноль!

Поэтому, молодые люди, вступающие в большую взрослую жизнь, все стремятся хоть и к маленькой, но власти над другими, а ради этого готовы на любую уже подлость...

Иной молодой человек не прослужит и трех лет, как становится лицемером, подлипалой, ябедником..., всё ради повышения по чину. И в угоду богатому начальству, такие мало-мальски управленцы пытаются содрать «с одного вола три шкуры» – для себя и для других, (себя же нельзя обойти). Так построена система – на самоедстве. Простой народ не считается людьми-личностями. Да и тех же «князей», «графов», едва они оступятся, такие же карьеристы готовы заклевать, как хищники птицы заклёвывают и выгоняют больных из своей стаи.

И что больше всего возмущает, – что имея миллионные состояния прибылей властями – ничего не делается для людей, которым они, якобы, служат; только словами говорится о добре, а добро всё делается «на показуху», для обмана народа. Обманывают сами себя и обманывают вышестоящих ниже чины власть предержащих.

Благотворительность, которую богатые, якобы, творят, – они считают чем-то серьёзным и полезным, а не «кукольной комедией». На самом-то деле, всякая благотворительность – это игра в «любовь к ближнему», самая откровенная игра. Потому что «акции благотворительности» проводятся одноразово и в отдельных единичных местах. А в остальной повседневности по-прежнему продолжает твориться серая действительность. Вот, к примеру, «дома престарелых» посещают благотворители, богатые «графы и графини» – подарили они чистые новые одеяла и простыни из «голландского полотна». После отъезда благотворителей и одеяла, и простыни исчезают: низшие «приютские чины» растаскивают «подарки» благотворителей. Это только в одном учреждении, куда соизволят ехать благотворители, а в сотнях других «Домах престарелых» всё остаётся по-прежнему: и штукатурка с потолков сыпется и кормят старух и стариков «овсянкой» – овсом как лошадей, животных, фрукты бывают разве что по праздникам. Пока не сгорит «Дом престарелых» вместе со стариками – проблемы таких учреждений никто и не видит...

В остальной жизни по регионам во всём такая действительность – показательные акции во всём! Центральные дороги чистят к приезду высоких чинов, даже фасады домов красят к приезду начальства из Столицы. А во дворах спальных районов всё остается по-старому – дорог нет, они все в ямах и рытвинах, дома без ремонта стоят по 50 лет и так далее.

Однажды я был на берегу озера Байкал, останавливался на пути в посёлок, куда направлялся по работе. И встретила мне девушка-бурятка, из местных жителей, коренных, в рубаше и в штанах из кожи, одетая в привычную свою одежду. Я спросил у неё дорогу к селению, и пока мы говорили, она с презрением смотрела на моё чужое лицо, совсем не круглое, как у всех бурятов, на мою одежду «тряпичную», европейскую на мою шапку-фуражку, – и в одну минуту ей надоело говорить со мной, всё презрение выразилось на её сморщившемся выражении лица. Она быстро развернулась и ушла прочь. В разных народах своё разное представление о красоте и лица и одежды, и поведения. Внешним образом, человек старается не выражать своего нерасположения к «чужим», но можно почувствовать неприязнь, почувствовать то раздражение, которое переполняет людей.

(Как было или как должно было быть, но что-то у нас не так все-таки.)

Случилось несчастье в маленьком городке, где жители, почти все знали друг друга, а многие дома в окраинных районах составляли так называемый «частный сектор».

В одной из школ жила мама с сыном в подвальном помещении, – из «понаехавших» или гастарбайтер, с азиатским круглым и плоским как луна лицом – то ли узбечка, то ли казашка, плохо говорящая на русском языке.

Однажды вечером, мальчик сторожихи-дворнички «спрыгнул с постели и наступил на острый топор и повредил ногу» – так она говорила. На самом деле, мальчишка 8 лет игрался в сторожке или колот дрова, или что-то ещё, только ударил он себя по ноге и случилась глубокая рана и он потерял много крови. Когда это случилось никого дома не было, и школа уже

не работала. Мальчишка ревел и ждал мать. А когда она пришла, он был уже без сознания, лежал в луже крови. Мама сразу же побежала к ближайшему дому, где жил врач. Его дом в двадцати шагах от школы и все в районе знали о нем, поэтому мать мальчика прежде всего бросилась к нему.

Но каков тип, Николай Петрович! Вот что было, – стучалась она стучалась, чуть окно не выбила. Наконец он подошел и через закрытую дверь порекомендовал отнести мальчика в больницу. Мать через весь город на руках понесла мальчика в больницу, а ведь у врача стояла в гараже машина. Из больницы позвонили учителям, телефон дала дворничка. Учительница, завуч школы помогла. Мальчику требовалась кровь особой группы, и тогда нашлась медсестра, которая отдала свою кровь, и учительница прибежала, у которой была нужная группа крови. Люди приняли участие в судьбе мальчика.

В больнице оказался корреспондент местной газеты и написал статью, которая вышла на другой же день. Статья была написана хорошо – немногословно и в то же время взволнованно и напряженно, в репортаже была живая тревога за мальчика. «И только один человек, – можно было прочесть в статье в самом конце, – в эту ночь показал себя не так, как от него ждали». Так начиналась часть репортажа про Николая Петровича. Врач мог оказать первую помощь – наложить жгут и так далее.

История развивалась более и более.

С корреспондентом газеты я был знаком и предложил ему вместе пойти к этому Николаю Петровичу и поговорить с ним. Мне и самому это было интересно: почему он так поступил – не помог мальчику, больному?

– Я не смогу спокойно разговаривать с этой сволочью, – угрюмо сказал мне Володя (корреспондент).

– Хорошо, разговаривать буду я. Но надо же выслушать его объяснения, мало ли что? а вдруг он сам заболел или что-нибудь ещё?..

И вот мы с Володей поднимаемся на резное крыльцо нового добротного дома, сложенного из яркого фасадного кирпича. В трёх окнах, выходящих на улицу, пылают шапки герани.

– В этом дворце он живет вдвоем с женой, – сказал мне Володя, уже сразу проявляя свою неприязнь.

Дверь оказалась открытой, и мы вошли в застеклённую галерею над двором, под которой стояла машина сбоку от дорожки к дверям дома.

– А-а, печать собственной персоной! – весело воскликнул Николай Петрович, увидев Володю, он возился во дворе со своей машиной. – Что-нибудь случилось? —

– Не со мной, – пробормотал Володя, отвернувшись в сторону.

Я представился доктору и сказал, что нам очень нужно поговорить с ним. Он настороженно посмотрел на меня, на Володю и начал снимать кожаный фартук.

– Прошу вас в дом. —

Он провел нас в кабинет, в котором стоял огромный стол, три кожаных кресла, заслонённая ширмой кушетка и вертящаяся этажерка с книгами. Над столом висел портрет знаменитого русского хирурга Пирогова. В этом кабинете доктор принимал больных. Он вел частные приемы на дому, в основном богатых клиентов и запись к врачу была по длинной очереди.

– Нас интересует, доктор, почему вы не помогли матери ребёнка ночью? – спросил я.

Доктор долго обдумывал свой ответ, и за это время выражение его лица изменялось несколько раз. Сначала на нем появилось выражение снисходительной иронии, потом промелькнула тень тревоги, потом – раздражение, и, наконец, на нём застыло выражение спокойной задумчивости. Но я видел, что он нервничает. Выдавала лежавшая на столе рука, она всё время шевелилась и вздрагивала.

– Ну что ж, извольте, я отвечу, – сказал он после паузы. – Бывают медицинские случаи, когда помощь может оказать только больница со всем её оборудованием и персоналом. —

– Но вы даже не поинтересовались, что с мальчиком! – воскликнул Володя.

– Мне и не нужно было интересоваться, женщина сама сказала, что мальчик порезался, наступил на топор. В конце концов, если по поводу всех порезов городских мальчишек будить ночью врачей... —

Доктор говорил с нами неискренне, он на ходу подыскивал оправдание своему поступку.

Однако события на этом не закончились. После выхода статьи в газете, где Володя где-то добыл фотографию доктора, под которой написал фразу: «Этот человек отказал в помощи», изменилось отношение местных жителей к доктору. Город узнал всё, что произошло, и вынес Николаю Петровичу свой приговор. Он шёл теперь по улицам словно невидимый. С ним никто не здоровался (а раньше все его приветствовали, и шагу не ступить). В больнице, где он работал, врачи не разговаривали с ним – объявили негласный бойкот. Он пытался объясниться с главным врачом больницы, но главный врач сказал ему:

– Вы, Николай Петрович, так мало работали в больнице и так много занимались частной практикой, что я не знаю, о какой работе вы сейчас говорите. —

Он, Николай Петрович, отправился и в Райздравотдел, но там его не приняли, сказали, что заведующий всю неделю будет очень занят.

В первые дни он ещё на что-то надеялся, пытался предпринять какие-то меры..., но затем он понял, что произошла катастрофа.

Самый популярный в городе человек в одну ночь стал для всех презренным ничтожеством. Это к вопросу, так сказать, о прочности популярности. Впрочем, популярность провинциальных врачей очень часто бывает незаслуженной. Привычка к человеку становится слепой верой в него. Это бывает не только с врачами.

Врач, этот выставил свой дом на продажу и уехал. Куда он уехал никто не знает...

Конец.

Надежда

Беспредельная надежда и энтузиазм – это главное богатство молодежи. Именно в юности человеческое сердце переполняют надежды на будущую жизнь, мечты о прекрасной жизни влекут молодых к свершениям.

И бывает надежда лекарством для уставшего тела в старости. Душа пожилых полнится надеждой на своих потомков, надеются пожилые на своих учеников, на своих детей.

Молодость полна сумасбродства, и именно у лихих и предприимчивых большие надежды.

А у заурядности, смилившейся со своей жизненной долей никакой надежды и нет.

Надо иметь мечты, надо иметь надежды. Человек всегда только и живет надеждой; и нельзя её терять, ни при каких обстоятельствах. Надежда, по сути, его единственная способность не дающая погибнуть в этом сложном мире.

«Мы живем, потому что Надежда обращается к Памяти, и обе нам лгут» – пессимистически высказывался поэт Байрон.

Но взглянув на его биографию, мы можем увидеть, что Надежда в его жизни была. Он провел трудное детство и воспитывался в простоте деревенских нравов. Всю жизнь он терпел материальную скудность. В 10 лет потерял своих родственников. До взрослых лет он почти ничего не имел и потому был обижен на жизнь и писал свои поэмы, давая резкие отповеди своим критикам. Герои его поэм – изгои, вставшие на путь мести своим врагам («Гяур», «Корсар», «Абидосская невеста», «Лара», «Осада Коринфа», «Паризина»). Байрон наделял своих героев теми же чертами характера, что и свои, только с более ярко выраженным трагизмом, презрением к власти и церкви. Надежда его проявилась в борьбе с властью над страной. Он вступил в освободительное движение в Греции против османского ига. В войне он видел надежду, что после победы построится общество лучшее. И он был настолько активен, что возглавил отряды разрозненных греческих партизан. И умер он на войне, в военном лагере у стен осажденной крепости врага.

Надежда была бы величайшей из сил человеческой души, если бы не существовало – отчаяния. Вот где постигает горе человека, когда он теряет надежду последнюю. Надежду никогда бы не стоило терять.

Ибо малой степени надежды достаточно (надежды на счастье), чтобы вызвать любовь. И не только человека к человеку, к любому делу в жизни. Через два-три дня, через некоторое время надежда может погаснуть, тем не менее, любовь (к предмету) уже родившись не потухнет. Человек полюбивший свое дело – так и будет работать всю жизнь.

Вот писатель или поэт (тот же Байрон) надеется, что его произведения дадут людям те же понимания, что и автор понял и передал от себя. И писателю и поэту необходима такая же отвага, как солдату: писатель так же мало должен думать о критиках, как солдат – не должен думать о госпитале, что его могут ранить и даже убить.

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет!

Надежда есть самое полезное из всех пристрастий души: поскольку она содержит здоровье, через спокойствие воображения. Надежда живет даже у самых могил, «при смерти». Надеяться всегда лучше, чем отчаиваться. Надо постареть, чтобы быть добрее; в старости, нам уже не встретятся ошибки, которые мы уже совершали. И тем мы спасем молодежь, что поселим надежду в их сердца, предупредив о возможных ошибках.

Терпение – это искусство надеяться. Страх и надежда могут убедить человека в чем угодно. Человек боится и все-таки надеется.

Надежда – единственное благо, которым нельзя пресытиться. Она сопровождает нас всю жизнь, не покидает нас даже в час смерти. Надежда на счастье, пусть даже обманчивая, никогда не причиняет человеку зла, потому что она облегчает жизнь. Где умирает надежда, там возникает пустота.

Надежда и желание взаимно подстрекают друг друга, так что когда одно холодеет, то другое стынет, и когда одно (надежда) разгорается, то закипает другое.

Надежда – это самое сладкое несчастье. И больному надо внушать надежду на лучшее: пока жив человек, он никогда не должен терять надежды.

Кому не на что надеяться, тому не в чем отчаиваться. Это всегда следствие потери надежды. А отчаяние – опасно. Только надежда всегда твердит, что в будущем будет легче.

Всякая надежда, основанная на заслуге, законна. Кто сознает за собой добрые деяния, – они могут надеяться на лучшее, а если деяния злые – то и порождают они только страхи в глубине сердец человеческих.

Непродолжительность нашей жизни не позволяет нам далеко простирать надежду. Но пока у больного есть дыхание, говорят, есть и надежда!

Обманчива надежда человеческая! – восклицали древние мудрецы, видя во всем руки богов. А мы же знаем, что вся наша надежда только на нас самих, на Человека (человечество)! Что самое общее для всех? Надежда! Ибо если у кого более нет ничего, то всегда есть она – Надежда.

P. S. Есть мнение от буддийских монахов немножко другое: «Человек, который „раб надежд“ – будет раб всех людей, повелитель своих надежд – будет повелителем всего мира». И еще: «Надежда – источник тревоги, свобода от надежд – источник великого покоя».

Это тихо сидеть на одном месте, как Будда и медитировать, чтобы попасть в Нирвану. А в чем тогда жизнь? В чем радости и легкие печали, в чем будет проявляться человеческое существо? Душа человеку дана для жизни на красивой планете с прекрасной природой. Но кто-то захочет, появившись на свет сразу же уйти из него улетев в вечное небытие Нирваны! Есть над чем подумать. Верить ли нам этой религии.

Конец.

Невежество

*Невежество и страх, – как братья близнецы;
отец их гнет и рабства дух,
а мать – покорность своей доле.*

Мы знаем, так бывает в жизни, что всегда найдутся «эскимосы», которые вырабатывают для жителей «экваториального Конго» указания, как вести себя при самой страшной жаре, ничего о жаре не понимая.

Не обязательно бывать там. Но лишь тот, кто думает (мыслит, рассуждает), – тот имеет право действовать. А всё плохое (чудовищное) и безнравственное начинается по ту сторону разума, (когда разума нет) и это удел невежества. Ибо оно (невежество) делает человека равнодушным к миру, а равнодушие растет медленно, но неотвратимо, как болезнь, как раковая опухоль.

А невежественные люди бывают дерзкими, дерзость – это ипостась невежества. Мы часто встречаем людей, ученость которых служит орудием их невежеству (знание умных слов, терминов), – людей, которые чем больше читают, тем меньше знают.

Знание – не инертный и пассивный посетитель, приходящий к нам, хотим мы этого или нет. Знания влекут за собой действия, они проверяются опытом. И знание нужно искать, прежде чем оно будет нашим. Оно результат большой работы и потому – большой жертвы, времени, прежде всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.